

Победав, Ли Кай и Ван Сюань не стали задерживаться — у входа их ждал голодный водитель-охранник, так что Ван Сюань наскоро собрал для него целую корзину домашней еды.

— Всё уже готово, я собирался убрать в холодильник, но забирайте так, в дороге съедите, — приговаривал Ван Сюань.

Сам доктор Цинь и его помощник Су Хэвэн в кулинарии были полными профанами. Стоило Ван Сюаню выкроить на выходных время и приехать, как он принимался лепить и парить: заготавливал горы пышных маньтоу, крутил сочные баоцзы и цзяоцзы, а после забивал ими морозилку. Хозяевам оставалось лишь разогреть полуфабрикаты на пару.

Стряпню этой парочки доктор Цинь переносил с трудом. Куда охотнее он перебивался всухомятку: доставал приготовленные Ван Сюанем соленья, острую квашеную капусту, солёные утиные яйца или домашнюю тушёную курицу с арахисом в сычуаньском масле. На том и держался его нехитрый рацион.

Ли Кай и Ван Сюань стояли у перекрёстка, провожая глазами удаляющийся автомобиль. Лю Юань предупредил, что они с командиром выкроили буквально пару часов из плотного графика. Когда через полмесяца они вернутся в расположение части, времени на встречи может совсем не остаться, так что договорились держать связь по старинке — письмами да редкими звонками.

Что же до напутствия Чэнь Чжэнго — мол, найдите моих племянников, погуляйте вместе, — ребята вежливо закивали, но принимать близко к сердцу не стали. Семья Чэнь была огромным, влиятельным кланом. Ветвь самого Чжэнго занимала высокие посты в столице, и их изнеженная городская молодёжь едва ли нашла бы общий язык с деревенскими парнями.

В преддверии праздников в столице царил небывалое оживление. И пусть в семидесятые годы индустрия туризма ещё не зародилась, уставшие от домашних забот горожане толпами высыпали на улицы, запрудив все тротуары.

Су Хэвэн, обожавший всякие гулянья, так и так не упустил бы шанса влиться в толпу, а уж когда сам учитель Цинь благословил их на прогулку, парень и вовсе потерял голову от радости. С зажатым в левой руке пирожком и жестянкой лимонада в правой, он скакал среди прохожих словно мальчишка, хотя был на несколько лет старше Ли Кая и Ван Сюаня.

Внешне солидный, на деле он раскрывался за полдня: под этой напускной важностью скрывался бесхитростный и не знающий забот обжора. Никаких великих амбиций у него не водилось — сытно поесть, сладко попить да поглазеть на диковинки, вот и весь залог его счастья на целый день.

— Шисюн, под ноги смотри, не отставай! — крикнул ему вслед Ли Кай. — Затрёт толпа — вовек не сыщем друг друга!

Центральные проспекты и правительственные кварталы вычистили до блеска: широкие полосы оставались свободными, чтобы в любой момент там могли беспрепятственно пройти колонны военных грузовиков. Зато в парках, на площадях, возле старинных храмов и на торговых улочках яблоку негде было упасть.

Повсюду пестрели свежеразвешенные лозунги, колыхались красные транспаранты, раздавались зычные речёвки. В эти дни жители столицы казались особенно воодушевлёнными — даже в случайных разговорах сквозила непривычная вежливость. Приближался День образования КНР, и каждого переполняла гордость: ведь этот великий праздник, в каком бы масштабе его ни отмечали, праздновался именно здесь, в самом сердце страны. Многим удавалось урвать заветный билет на трибуны, другие же часами стояли в живом оцеплении, надеясь хотя бы краем глаза, из глубины людского моря, увидеть прохождение войск.

Когда над площадью разносились торжественные аккорды государственного гимна, волна патриотического восторга накрывала всех без разбора. Даже те, кто мало смыслил в политике, невольно подтягивались, расправляли плечи, чувствуя, как в груди закипает горячая готовность хоть сейчас ринуться в бой за правое дело.

На площадях кипела пёстрая жизнь: лоточники зазывали покупателей, торгуя сладостями, немудрёными игрушками и сувенирами.

К тому времени Ли Кай успел обойти едва ли не все палатки с набросом колец. Для местных зазывал он стал сущим кошмаром — бил со стопроцентной точностью, загоняя бедных торговцев в глухую тоску. Су Хэвэн и Ван Сюань едва удерживали в руках горы честно выигранного добра. Даже суровый шисюн, находивший манеры Ли Кая излишне разбойничьими, теперь восторженно улюлюкал после каждого удачного броска.

Дошло до того, что владельцы аттракционов — от тиров с воздушными шариками до метания банок — завидев их компанию, наотрез отказывались продавать билеты.

— Ха-ха-ха! Гоудань, да ты теперь местная легенда! — заливался смехом Су Хэвэн.

— Сколько можно просить: зови меня Ли Каем! — набычился тот. — И радоваться тут нечему. Не пойму только, как они прознали? Я ведь к последнему шатру даже близко до этого не подходил.

— Недооцениваешь ты уличный люд, — мягко улыбнулся Ван Сюань. — У них своя почта, беспроволочная. Ошибочно думать, будто они тут каждый сам за себя воюют.

— Разве нет?

— Вовсе нет. Хоть они и кажутся разрозненной беднотой, но на деле держатся мёртвой хваткой друг за друга. Скорее всего, это одна артель: скупил товар оптом, распределили по точкам для пущей заманухи, а при любой угрозе мигом дают знать своим. Конкуренция тут только для

виду, на деле они — союзники.

Ли Кай задумчиво прищурился, переваривая услышанное. Су Хэвэн тут же встрял:

— Да и погляди на нас! Мы с Ван Сюанем обвешаны призами как новогодние ёлки. Любой дурак сразу смекнёт, откуда ветер дует. Им проще выставить тебя взашей, чем лишиться дневной выручки.

Ли Кай снисходительно похлопал шисюна по плечу:

— Надо же, голова у тебя не только для того, чтобы в неё есть. Растёшь над собой.

— Слышь, ты!.. Это на что ты намекаешь? Я вообще-то твой старший брат! Шисюн! Почтение имей!

— Ха-ха-ха!

Вскоре после возвращения к учёбе на баскетбольной площадке к Ли Каю подошёл один из студентов. Представился Чэн Шу, племянником того самого Чэнь Чжэнго. Вообще-то они и раньше сталкивались на поле и даже пару раз лениво перебрасывались мячом, когда площадка пустовала.

— Вот уж не думал, что ты знаешь моего дядю, — заговорил Чэн Шу, ловко крутя мяч на пальце. — Он как вернулся, сразу про тебя обмолвился. Я поначалу решил — однофамилец, а потом сверил факультет, группу... Гляжу, точно ты! Давай держаться вместе, если что.

— Сам удивлён, что дядя Чэнь вспомнил обо мне, — ровно ответил Ли Кай.

— Да ладно тебе, все мы тут свои, студенты. Кстати, неплохо двигаешься на поле. Тренировался где-то?

— Да ну, так, в деревне у себя кольцо из бочки мастерили. Ты-то, смотрю, всерьёз этим болен, сколько ни прохожу мимо — вы вечно здесь.

В этом углу стадиона располагалось несколько игровых зон, но одна из них была негласно закреплена за сынками партийной и военной номенклатуры. Никаких запрещающих табличек, разумеется, никто не вешал, но простые студенты интуитивно обходили её стороной. Площадка превратилась в закрытый клуб для "золотой молодёжи".

Иногда, когда им не хватало людей для полноценного матча, они снисходили до того, чтобы позвать кого-то со стороны. Ли Кай играл с ними дважды. Ребята они были сыгранные, крепкие, да и инвентарь у них имелся собственный, импортный — дорогие кожаные мячи,

каких в физкультурной каптёрке отродясь не водилось.

— Да мы так, дурью маемся, — отмахнулся Чэн Шу. — Но проход под кольцо у тебя зачётный. Как-нибудь ещё сыграем по-взрослому.

Ли Кай держался вежливо, но отстранённо. Он прекрасно понимал: не замолви полковник Чэнь Чжэнго словечко, этот заносчивый юнец даже взгляда в его сторону не бросил бы. Набиваться в друзья к столичной элите Ли Кай не собирался — слишком хорошо знал цену их показному дружелюбию. Разные миры, разные судьбы. Поиграть в мяч — пожалуйста, но лезть из кожи вон ради полезных знакомств он не станет. Чэн Шу, судя по всему, быстро раскусил его независимый нрав и навязываться тоже не стал.

Вернувшись к своим, Чэн Шу тут же попал под град вопросов.

— Чего это ты к нему потащился? — ухмыльнулся один из приятелей. — Кореш твой, что ли?

— Да нет, пересекались тут пару раз на площадке, — лениво отозвался Чэн Шу и точным броском отправил мяч в корзину. — Третий дядя просил приглядеть за ним.

— А-а, тогда понятно. Раз дядя велел — кивни для приличия и забудь. Не собираешься же ты всерьёз таскать его за собой?

Остальные мажоры тоже подтянулись, лениво перебрасываясь репликами. Будь этот парень из приличной номенклатурной семьи, его бы приняли без лишних разговоров — этот негласный кодекс они усвоили с пелёнок. Своих они чуяли за версту, а чужаков отсекали на дальних подступах, выстраивая невидимую, но глухую стену.

— Дядя говорит, он из деревенских, но пробивной, — пожал плечами Чэн Шу. — Дядя Чэнь в нём души не чает, чёрт знает, где они пересеклись. Велел принять в компанию и «поучиться у него усердию».

— О-о, ну теперь-то ты его точно возненавидишь! — заржал кто-то из толпы. Какой подросток потерпит, когда его ставят в пример какому-то провинциалу?

— Завидууй молча, — огрызнулся Чэн Шу. — Я не настолько мелкий, чтобы из-за этого дуться. Раз дядя выделил его, значит, парень не так прост.

— Смотри сам. Деревенщина обычно липкая, как пластырь из собачьей шкуры. Стоит дать слабину — сядет на шею, потом на приличную тусовку не покажешься с таким прицепом.

— Этот не похож на попрошайку, — усмехнулся Чэн Шу.

— Ну, пока он студент престижного вуза, гонор поиграет, конечно. Вопрос в том, надолго ли хватит его провинциальной гордости? Вот понюхает столичной власти, поймёт, как тут дела делаются, сам приползёт хвостом вилять. Впрочем, если окажется покладистым и будет знать своё место, можно и в шестёрки взять, пусть пиво носит.

Ли Кай не слышал их шушуканья. Каким бы острым ни был его слух, ребята стояли у другого края поля и говорили вполголоса, да и дела ему до них не было. Он просто гонял мяч со своими однокурсниками, выпуская пар после тяжёлых лекций. После они, разгорячённые и потные, гурьбой заваливались в столовую, на ходу вытирая лица рукавами, наскоро мылись в общественной душевой и убегали в библиотеку. Среди своих, таких же простых парней, дышалось легко и притворяться было не нужно.

Мужское общежитие

С наступлением ноября заметно похолодало. В мужском общежитии сразу вскрылась вечная беда: некоторые парни на людях щеголяли чистыми воротничками, а в комнате превращались в форменных свиней. Соседям приходилось несладко. Грязные носки, неделями копившиеся в тесных носках кед под кроватями, прели и испускали такое густое амбре, что вся комната пропахла тухлой рыбой.

Ван Сюань, заглянувший к Ли Каю после череды трудных учебных дней, на пороге едва не лишился чувств.

— Как ты здесь дышишь?! — выдохнул он, хватаясь за косяк.

— А куда деваться? — пожал плечами Ли Кай. — Первое время я пытался прибираться, так эти лоботрясы вообще обленились, даже мусор выносить перестали. Я и плюнул. Носки их вонючие, обувь... Они сами-то ноги моют через раз, где им о порядке думать. Моя кровать у самого окна, я форточку приоткрываю и утыкаюсь носом в стекло. Спасает.

Ван Сюань посмотрел на него с тихим ужасом:

— И вы в этом свинарнике спите, едите, к экзаменам готовитесь? Зимой тоже с открытым окном спать думаешь, когда морозы ударят?

— Ну да, притерпимся как-нибудь.

Сам Ли Кай от природы аккуратностью не отличался. В деревне за ним приглядывал Ван Сюань: заставлял умываться перед сном, чистить зубы, парить ноги в тазу. Оставшись без присмотра, Ли Кай быстро вернулся к привычному первобытному состоянию.

Ван Сюаня аж перекосило от досады.

— Сил моих нет на это смотреть... Живо собирай всё своё грязное бельё, одежду, обувь — я унесу и перестираю. Ну нельзя же так опускаться, Ли Кай!

Тот густо покраснел, но из упрямства пошёл на попятную, пытаясь перевести стрелки:

— Да ладно тебе, с кем поведёшься, от того и наберёшься. Ты на постель Се Сюэ погляди — простыня вся жёлтая, засаленная, будто на ней пирожки жарили!

<http://bllate.org/book/19654/1996794>